

ДЕВИЗ ВЕТЕРАНОВ: «ДУШУ—БОГУ,

10 мая гостями Урока Мужества и праздничного концерта стали люди, которые знают что такое война не из книг и кинолент, они были её свидетелями и участниками. Наши корреспонденты встретились с ними в конференц-зале школы и задали им несколько вопросов, ответы на которые мы публикуем в этой рубрике

Варвара Ипполитова: *Где вас застало начало войны и какие ваши планы война перечеркнула?*

Александр Юрьевич Иванов: Когда война началась мне было три года, и застала она меня недалеко отсюда на Троицком поле. 22 июня гитлеровские войска перешли границу Советского Союза, а уже 8 сентября они окружили кольцом наш город. Мой отец погиб ещё в финскую войну, я жил вместе с мамой и бабушкой, когда начались обстрелы города у них это вызывало ужас, а мне по малолетству было интересно. Снаряды попадали в наш дом, он располагался на территориях первого и второго городка, рядом с церковью Кулич и Пасха. Это были крайние каменные дома города, дальше до самого Пулковского тянулись поля и леса. Поэтому наши дома были неким щитом, который защищал территории за ними. Так в нашу квартиру, она находилась на первом этаже, попал снаряд, и угол дома отвалился. Потом его вновь закрепили с помощью цемента, между прочим, я и сейчас живу в этой квартире. А потом в июне 1942 года меня вместе с бабушкой по Ладожскому озеру эвакуировали в Новосибирск. Там мы прожили до дня полного снятия блокады Ленинграда. Я посещал в Ново-

сибирске специальный детский сад для детей эвакуированных из Ленинграда. Мы часто выступали с концертами в госпиталях. Залы всегда были переполнены ранеными и искалеченными войной людьми, для которых дети исполняли песни, читали стихи, танцевали. Я сочинил стихотворение о лёгчике-герое Покрышкине, уроженце Новосибирска, и меня обязательно ставили в концертную программу. Звучало это стихотворение так:

Покрышкин—лётчик смелый,

Покрышкин—наш пилот.

Ведёт любимый Сталин

Покрышкина в полёт.

Вот такое у меня было начало войны, а потом всё шло, как и у всех людей—голодно, постоянно чего-то не хватает, опасно. Но мы, дети, не знали этого, после обстрелов бежали к воронкам и собирали осколки, чтобы похвастаться друг перед другом. Страх пришёл потом, когда увидели искалеченных людей лежавших на тротуаре, трупы, умерших от голода в соседних квартирах. Осознание опасности пришло только тогда, а начало войны казалось нам игрой.

ЖИЗНЬ – РОДИНЕ, ЧЕСТЬ – НИКОМУ!»**ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА**

Юрий Николаевич Колесников: Я не ветеран войны, а ребёнок войны. В это время наша семья жила в Москве, на фронт ушли восемнадцать человек близких родственников, лишь пять из них были кадровыми военными, для которых война была страшная, грязная, но всё же их работа. Таким был мой отец, служивший в морской авиации, мой дядя, погибший при обороне Севастополя. А другие родственники, например, два моих дяди, один погиб под Москвой, другой под Сталинградом, ушли на фронт добровольцами. Война поломала все их мирные планы и унесла даже жизни. Так случилось, что под Ленинградом сгорел в танке один родственник, майор, настоящий военный. Под Москвой погиб, в Сталинграде погиб, в Севастополе погиб—во всех основных битвах Великой Отечественной войны принимали участие мои родные люди и отстаивали свободу и независимость нашей Родины. Среди этих восемнадцати человек были четыре женщины: две медицинских сестры, связистка, а ещё одна, Анна Ивановна Иванова, снайпер Ленинградского фронта. Когда счёт уничтоженных ею фашистов перевалил за сотню, ей вручили Орден Солдатской Славы. Мой отец служил в морской авиации, в 1942 году он был сбит, но, к счастью, остался жив, долго лечился и смог ещё прослужить до 1955 года. Умер он совсем молодым человеком, ему было всего 54 года. Ну, а я, мои братья, мужа моих сестёр пришли ему на смену, связали свою жизнь с Вооружёнными Силами. Я отслужил 34 года, в том числе и на Севере. Вот так началась война для нас. Многие люди в СССР чувствовали её приближение, и всё же она

пришла неожиданно. Руководство страны изо всех сил старалось оттянуть начало этой бойни, но не всё удалось до конца завершить в приготовлении к войне. За время Великой Отечественной войны погибло свыше 29 миллионов советских людей, это население средней европейской страны, из них 11 миллионов состояли в рядах Вооружённых Сил СССР.

Варвара Ипполитова: В какой момент, после каких событий вы поняли, что наступил перелом в войне?

Александр Юрьевич Иванов: Для петербуржцев это, конечно же, прорыв блокады. А в преддверии прорыва блокады есть ещё одна значимая дата—18 апреля 1942 года. Она нигде не отмечается, но для тех, кто пережил первую блокадную зиму незабываема. Это день, когда в осаждённом городе пустили трамвай.

Мир Назимович Нигматулин: Я был очень молодым человеком в годы войны, выскажу свои ощущения того времени. Для меня переломом в войне стали приёмы первых конвоев. Когда мы стали выгружать с бортов судов, пришедших в порт американские танки, а в небо поднялись американские самолёты «Аэрокобры»—все поняли, скоро, очень скоро наступит то время, когда фашистов погонят прочь с нашей земли. К сожалению, Северный флот заплатил за это большую цену. Для наступления на врага на сушу списывали лучшие кадры, большинство из них так и не вернулись на свои корабли, но благодаря этому было достигнуто превосходство над противником.

Варвара Ипполитова: *Как вы узнали, что пришёл День Победы?*

Мир Назимович Нигматулин: Мы готовились к нему задолго. Приближение этого дня чувствовалось с того момента, когда наши войска выгнали фашистов из Польши и вступили на территорию самой Германии. Все стремились как можно быстрее войти в Берлин, чтобы показать немцам, что они нашу столицу Москву не смогли захватить, а Берлин мы возьмём и возьмём первыми. Об этом не раз говорил маршал Г.В. Жуков. Это ожидание победы началось у нас в июле 1944 года, из Англии и Америки стали приходить по два конвоя в месяц. Потери были ужасными, до Мурманска и Архангельска порой доходила лишь половина из грузовых судов.

Александр Юрьевич Иванов: Вы знаете, американцы и англичане шли работать на суда конвоя добровольно, хотя знали, что многие из них уже никогда не вернутся домой, ведь надо было под прицелами фашистских кораблей, подводных лодок и береговой авиации пересечь Атлантический океан и пройти суровые северные моря, прежде чем вновь окажешься на суше. А 9 мая 1945 года я понял, что это большой праздник, потому что на улицы высыпал весь народ. Целовались, обнимались, плакали и смеялись одновременно, так что даже маленькие дети, а я тогда уже считал себя большим, так как ходил в школу, поняли—это День Победы.

Варвара Ипполитова: *В 1945 году закончилась война, в 1955 году был подписан мирный договор с Германией, а когда вы поняли, что война осталась далеко позади?*

Александр Юрьевич Иванов: Ох, она ощущалась ещё очень долго после Дня Победы. Я первый раз вышел в плавание в 1957 году, мы при-

были в Калининград, это бывшая столица Восточной Пруссии Кёнигсберг. Чтобы добраться из порта в жилой сектор, надо было проехать на трамвае через бесконечное поле битого красного кирпича—всё, что осталось от города. Лучше сохранилась только старая его часть. Вот, что такое война! А потом мне довелось побывать в Дрездене, этот прекрасный город я видел на картинках в книгах из домашней библиотеки. То, что я увидел, поразило меня навсегда—остов города после американской бомбёжки, которую они провели в последние три дня войны, когда в этом не было никакой необходимости, только чтобы Дрезден с его дворцами, музеями и парками не достался нам. Больше десяти лет прошло, а ужасы войны ещё преследовали людей.

Варвара Ипполитова: *О войне сложено немало стихов и песен, написано книг, снято кинофильмов, а какие из них ваши любимые?*

Александр Юрьевич Иванов: Фильмы «Два бойца», «В шесть часов вечера после войны».

Мир Назимович Нигматулин: У нас, североморцев, наиболее значимый и показательный фильм «Шестьдесят девятая параллель», к сожалению, его сейчас не показывают, может потому, что там много внимания уделено американцам и англичанам.

Юрий Николаевич Колесников: Первые фильмы о войне это фильмы из моего детства, поэтому они так и врезались в память. «Два бойца», «Подвиг разведчика» сейчас могут вам показаться наивными, но мы смотрели их затаив дыхание. А вот музыка народ воодушевляла, и, мне кажется, что и сейчас её воспринимают также, как и тогда. Я сейчас вам включу одну из песен тех лет, которая стала гимном североморцев на все времена. Её написал лейтенант, оборонявший остров Рыбачий, а называется она «Прощайте скалистые горы». *(Звучит песня, гости поют.)*

Варвара Ипполитова: *За что вы благодарны судьбе?*

Юрий Николаевич Колесников: Благодарны судьбе мы можем быть за то, что выжили в войне и можем видеть как растут наши дети, внуки и правнуки.

Мир Назимович Нигматулин: Я служил на эскадренном миноносце «Разумный». Командиром нашего корабля был выдающийся моряк Николай Иванович Никольский. Для меня он стал жизненным примером.

Этот хронометр за боевые заслуги был вручён полковнику Н.Г. Колесникову легендарным Народным Комиссаром ВМФ Кузнецовым, сейчас его имя носит крупнейший авианосец России

Александр Юрьевич Иванов: У меня судьба удивительная. Сорок лет я отдал флоту, двадцать лет чисто музейный работник и сорок лет работник искусства. Мне довелось сниматься в кино, вести телевизионные передачи, рассказывал о море, писал книги об истории города. Когда я закончил свою морскую деятельность в качестве уже директора Международного центра моряков Санкт-Петербурга, то судьба подарила мне уникальную возможность—работать главным администратором Эрмитажа. Пятнадцать лет я провёл среди великих памятников искусства. Работая в торговом флоте, я никогда не упускал возможности встречи с прекрасным в других городах и странах мира. И тут, в конце жизни—один из руководителей самого знаменитого музея мира! Я благодарен судьбе, благодарен стране, которая меня воспитала, благодарен Родине, давшей мне возможность стать не просто моряком, а Почётным работником Морского флота.

Юрий Николаевич Колесников: Жизнь моя сложилась очень причудливо. Я пришёл в Вооружённые Силы на смену ушедшему из жизни отцу, стал лётчиком-истребителем морской авиации, а потом, когда прошла реструктуризация, перешёл в войска противовоздушной обороны. К сожалению, я летал недолго, был списан по здоровью, много лет проработал на Севере, ходил на атомном ледоколе по Северному морскому пути. Я благодарен судьбе, что сумел дожить до сегодняшних дней, что стал автором книг и статей по истории флота и авиации, смог организовать для школьников программу «Славные страницы истории российского флота». Кстати, ваша школа тоже уже второй год принимает участие в этом проекте. Я благодарен судьбе за встречу с врачом, который тринадцать лет назад спас мне жизнь. Какие бы крутые повороты не случались в моей жизни, судьба всегда была ко мне благосклонна.

Варвара Ипполитова: *Какая у вас первая боевая награда, за что она была вручена? И какой наградой вы дорожите больше всего?*

Мир Назимович Нигматулин: Моя первая награда—это благодарность от Верховного Главнокомандующего за успешные боевые действия при захвате города Лиинахамари. Эту грамоту я передал в музей. А из орденов и медалей—«За оборону Советского Заполярья», она вручалась всем представителям личного состава. Когда мы стояли в Ваенге, наш корабль обеспечивала паром очень пожилая женщина, она день и ночь работала в кочегарке, ей тоже вручили такую медаль. Она не стреляла, не убивала, но за то она дала столько тепла кораблям, мы приходили из рейда промёрзшие, мокрые, грязные, а на берегу нас ждала чудесная баня с чистым бельём,

подготовленная её руками. Награды всегда находят нужных людей!

Юрий Николаевич Колесников: У меня есть две очень дорогие награды. У моего отца было шесть орденов: Ленина, Красного Знамени, Кутузова. Но самой дорогой наградой я считаю часы, которые в 1942 году на Севере ему вручил Народный Комиссар Военно-Морского Флота адмирал Николай Герасимович Кузнецов. На них сохранилась дарственная надпись. А свою первую награду—Орден Красного Знамени отец получил в 1943 году. У меня лично тоже есть боевая награда, которой я горжусь—медаль «За боевые заслуги». Хотя мне не довелось участвовать в боях, но я посадил аварийный самолёт, который было разрешено покинуть.

Варвара Ипполитова: *Когда говорят «война», что вам сразу вспоминается?*

Александр Юрьевич Иванов: Вспоминаются блокадники. Они голодные, продуктов нет, в городе достать их нелегко. В нашей квартире у бабушки, она была активисткой, собирались оставшиеся в живых люди из четырёх домов первого городка, приносили с собой у кого что было, они делились последним, помогали друг другу. Вот отсюда у меня чувство чести, достоинства и товарищества—самые главные чувства, которые я ценю. Это настоящие блокадники! Это душевно чистые люди, которые собираются теперь вместе и плачут, вспоминая пережитое. В нашем городке из четырёх домов после блокады остались в живых только шесть семей, и ещё долго, пока были живы, собирались у нас. В Невском районе погибло 39 263 человека за годы блокады, из них от голода 38 260. И это только официально зарегистрированные цифры. Страшный голод был, в саду парка имени Бабушкина после войны, когда стали приводить его в порядок, находили захоронения людей. Не надо войны!

Варвара Ипполитова: *Чтобы вы пожелали современным мальчишкам и девочкам?*

Юрий Николаевич Колесников: Любите свою страну, любите своих родителей, не жалейте сил на учёбу, потому что так или иначе это всё вам в жизни очень пригодится.

Александр Юрьевич Иванов: Я бы пожелал, чтобы возродился девиз русских офицеров: «Душу—Богу, жизнь—Родине, честь—никому!» А если вы свяжете свою судьбу с флотом, то у вас будет необычная и очень интересная жизнь.

Над рубрикой работала

Варвара Ипполитова